

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

К моменту вхождения Крымского ханства в состав Российского государства на полуострове сложилось четкое разделение хозяйственных функций. Подавляющая часть населения — крымские татары (свыше 90 % от числа постоянных жителей) — занималась военным промыслом, кочевым скотоводством, а также приусадебным огородничеством и садоводством. Активное участие в торговле принимали представители двух религиозно-этнических общин — греков и армян. Именно армянам принадлежало весьма заметное место в торговле в городах, среди жителей которых они численно преобладали. Так, только в Кафе значилось около 5,5 тыс. представителей этой национальности. В Гезлеве (Евпатории) их было 1,3 тыс.чел.¹ Для сравнения: население этого же города в начале XIX в. насчитывало менее 2000 чел. «мужеска пола»². Активное участие во внешней торговле принимали также турки, прибывавшие на своих кораблях с товаром из Константинополя³, а также местные караимы.

В портовые города Крыма доставка товара осуществлялась (как и в земли всего Новороссийского края) посредством так называемых «мореходных купеческих лодок». Эти относительно небольшие корабли имели возможность входить как в глубоководные приморские порты, так и подниматься вверх по течению рек, доставляя товары вплоть до удаленного от Черного моря Херсона. Экипажи состояли в основном из греков и турок. На одно судно приходилось примерно восемь человек: сам хозяин (он же купец), шкипер и «матрозы».

На одной из таких «лодок», прибывших из Стамбула в 1790-е гг. в Херсон, за рейс доставили: «изюму бочонков 20, коробочек 50, черного плетенок 5. Винных ягод бочонков 10, коробочек 70. Пшена сарацинского (риса) бочонков 30. Черносливу бочонков 40. Айвы ящиков маленьких 100. Воды розовой ящиков 5. Рожков кулей 12. Лимонов 30 000».

Впрочем, общий перечень импортных восточных товаров был значительно шире. В последнее десятилетие XVIII в. из Царьграда на кораблях в черноморские города России прибывало более шести десятков наименований. В их число входили «сельди и скумбрии в бочках», «апельсины» свежие, лимоны, лимонный сок, цитроны, гранаты, каштаны, изюм красный, изюм черный, «винные ягоды», миндаль, финики, маслины (черные маслины), «сухие фрукты», «деревянное масло», «сарачинское пшено», «конфеты», варенье и пастила, айва, сахарный сироп и сахарный песок, «кофий французский», орехи волосские и фундук, ладан, хна, мастика, турецкие мыло и турецкий табак, лук, шелк-сырец, шелковые шнуры, нашатырь, «лес», деревянная посуда и «дерево не в деле», олово в прутьях, «медь не в деле», уксус, «вино виноградное, деланное по берегам Черного моря и в Константинопольском проливе», «водка пизская», турецкий бумажный холст, «бумажная аладжа», красная скуфья,

«платки бумажные турецкие», «писчая бумага», сапожный клей, «аптекарские материалы», трубки, чубуки и янтарные мундштуки, пояса шелковые и пояса «с золотом», сафьяны, а также выполненные из них мужские туфли и др. В обратный путь экипажи кораблей грузили в трюмы коровье масло, топленое говяжье сало и сделанные из него «сальные свечи», а также железо, канаты и суровые нитки⁴.

По данным 1816 г. источником поступления товаров в порты Крыма являлись преимущественно «земли ногайцев» и внутренние пространства полуострова. Первые предоставляли пшеницу, невыделанные кожи и коровье масло. Со вторых в причерноморские города везли «коровье масло, соль, овечью шерсть, и изделия из оной, войлоки, кожи невыделанные»⁵.

О прибытии товаров из континентальной России анонимный статистик пишет с большим сомнением: «дороги из Малороссии, ведущие в Крым, должны бы покрываться... многочисленными обозами хлеба, полотен, пестре-ди и других из российских произведений». Незрелость торговых связей России с крымскими портами даже в первые десятилетия XIX в. современники объясняли двумя причинами: наличием «великих трудностей, причиненных горами и речками, для обозов из России и из Крыма идущих», а также отсутствием традиций торговли континента через порты полуострова: «обозы сии не обыхли туда обращаться».

Кроме того, на рубеже XVIII–XIX вв. Крым не мог предложить большой перечень наименований для внешней торговли. Причина этого крылась отчасти в критических условиях земледелия на полуострове. В начале XIX столетия Крыму самому остро не хватало даже хлеба. В 1805 г. российские наместники были вынуждены даже вскрывать государственные резервные запасы, выбирая на рынок «казенных магазинов хлеб»⁶.

Но трудности с внешней торговлей имели еще одну причину. Причем весьма немаловажную. После первой русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Екатерина II, которая изначально не планировала включение Крыма в состав своей державы, пошла на переселение проживавших здесь православных народов на территорию только что присоединенных, но пустынных причерноморских земель. Это более чем устраивало ханскую администрацию. Во-первых, выход православных снимал проблему религиозного напряжения. А, во-вторых, Россия, которая остро нуждалась в переселенцах, щедро оплачивала Бахчисараю утрату бывших жителей ханства. Только хан Шагин-Гирей и члены его семьи получили за это 50 тыс. руб. Столько же ушло местным бегам, мурмам и ханским чиновникам.

В итоге только с 1778 по 1783 г. из Крыма в Россию выехало около 30 000 христиан. Лишь за один день — 5 августа 1778 г. — из Кафы, Бахчисарая, Карасубазара, Гезлева (Козлова), Ак-Мечети и Старого Крыма отбыло 1122 души обоого пола. Всего по подсчетам исследователей в ходе переселения в Россию полуостров покинуло 31 386 чел. В это число входили греки (58,5 %), армяне (40,2 %), а также грузины и волохи (всего 1,2 %)⁷.

Итогом стало появление в русском Причерноморье сугубо национальных городов, населенных греками и армянами, например, Григориополя. В «Атласе

Новороссийской губернии» 1799 г. о нем сказано буквально следующее: «Город Григориополь... жители сего город армянской породы».

При этом Крымский полуостров покидали активные представители купеческого мира, что сильно ударило по местной городской торговле, прежде всего внешней.

Главнейшими торговыми городами-портами Крыма являлись Евпатория (татарский Гезлев, переименованный русскими еще при Минихе в Козлов) и Феодосия.

Возможности для торговли предоставляло само положение городов. Вот как описал значение «Козловской гавани» очевидец: «по местоположению своему [она] такого рода, что суда из Константинополя одним ветром приплывают в оную. Часто тридцать два часа достаточны для совершения сего путешествия. Гавань сия обширна, а может поместить в себя до двух сот кораблей и от всех ветров, кроме западных, хорошо ограждена; но и от сих не случилось еще никакого несчастья. Природа кажется сама определила ей быть многопосещаемую, ибо мыс около которого люди еще не прилагали своих трудов, защищает сие от бури и может с весьма малыми издержками дать гавани сей совершенно безопасное пристанище; песочное в оной дно в продолжении лета от марта месяца до ноября также безопасно. Вот главнейшая причина, почему турецкие, азиатские и вообще все с юга приплывающие корабли охотно в ней пристают»⁸.

Однако несмотря на имеющийся потенциал и традицию активной коммерции, в первые годы XIX в. Евпатория пребывала в упадке. Оглядевший его не названный по имени путешественник отмечал: «Но чувство сожаления скоро родится», — что прежде бывшая здесь активная и процветающая торговля, — «теперь разрушается; что город сей обогащался, [а] теперь беднеет; что магазейны, биржи, дома в нем строились, ныне же пустуют и разваливаются; и что он похож на утопающего, которой последними усилиями от смерти спастись старается»⁹.

Через Евпаторию прибывали товары из Стамбула, которые затем шли на потребление «жителей турецкого Крыма», то есть местных татар-мусульман. Но по наблюдению статистика в 1816 г. перечень таких «необходимо нужных... произведений» свелся всего лишь к четырем наименованиям: «бекмес, нардек, альва и каштины [каштаны]».

В еще более худшем положении пребывала Феодосия. Находившаяся на южном берегу полуострова, она могла быть достигнута по морю только при умелом использовании сразу нескольких ветров. Это вело не только к большим физическим, но и временным затратам («за необходимостью во многих различных ветрах и, следовательно, значительной потери времени»). В результате частота оборотов одного корабля от Стамбула до этого крымского порта сокращалась всего до двух раз за лето. Да и то предпринимать такие поездки приходилось «с трудом».

Феодосия процветала в древности и достаток ее строился тогда на операциях генуэзских купцов, торговавших с Индией. При этом итальянцы использовали хоть и весьма сложный, но единственно возможный на то время мар-

шрут — везли товары через Каспийское море, затем поднимали их по Волге, после чего перетаскивали суда по волоку в Дон, с которого спускались в Черное море, через которое с удобством шли уже до Феодосии. Привлеченные восточными товарами в город стекались купцы со всей Европы. Однако когда был открыт другой путь в Индию «торговля феодосийская сама собой пала».

В первые десятилетия XIX в. товарооборот Евпатории хотя и утратил прежние масштабы, но все же продолжал сохраняться. При этом показательно, что греки и армяне занимались в городе преимущественно мелочной торговлей и напоминали российским статистикам собственных среднерусских лотшников, которых трудно было отнести к элите предпринимательского мира: «похожи несколько на наших разнощиков, с той только разницей, что имеют лавки и торгуют также на местах». Их единокордцы, переселившиеся еще в 1770-е гг. на территорию континентальной России и сохранившие свои связи со Стамбулом, были куда успешнее. В частности, это относится к армянскому населению Нахичевани-на-Дону, которые успешно отправляли «торговлю в Константинополь и другие турецкие города».

В Крыму в начале XIX столетия ведущее место в торговле принадлежало караимам («чтецам») — крымским татарам, принявшим одну из форм иудаизма. Вот как характеризует евпаторийских караимов в начале XIX в. полковник Генерального штаба Муравьев 1-й: «Караимы, народ промышленный и пронырливой, в руках своих исключительно всю торговлю содержат; они имеют поверенных во всех турецких гаванях и суть торгопроводы Южной России. По сей причине некоторые из них весьма достаточны и построили себе хорошие двубрусные дома; которые во внутренности не уступают многим богатым домам в Петербурге и в Москве». При этом автора описания удивило, что внешние атрибуты богатства у караимов несли не привычные ему европейские черты, а иные — восточные: «богатство же сие не европейское, но азиатское; не состоит в окнах из одного стекла, не в люстрах, ни в огромных зеркалах, ни в мебели красного дерева и бронзы, но в софьях, шалями обитых, коврах, редких в Европе, в парчовых материях, и тому подобном; все сие представляет путешественнику вид азиатских храмов какого-нибудь паши».

Еще одной важной причиной упадка торговли в старых крымских портовых городах стало появление и развитие Одессы — главного торгового российского порта на Черном море. Расположенная вблизи османских владений, она активно перенимала на себя функцию главного транзитного центра не только турецкой, но и «всей польской торговли»¹⁰.

Какова же была численность городского торгового населения Крыма на рубеже XVIII–XIX вв.? Точных и однозначных данных по этому вопросу нет. Одной из причин такой неопределенности является внутренняя структура Таврической губернии. В начале XIX столетия в ее состав входили как собственно крымские уезды (Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский и Перекопский), так и внешние «за Перекопские» (Днепровский и Мелитопольский), а также находившийся «за Проливом» Тмутараканский уезд.

Путанице способствовало и решение властей не распространять на население Крыма IV ревизию, проходившую как раз во время присоединения по-

луострова. Данные о численности жителей и их составе предполагалось получить из местных описей¹¹ (о податях, о тяжбах, о поставке леса и др.)¹². Но собранные в них данные стали без преувеличения головной болью для статистиков начала XIX в., которым пришлось их оценивать и систематизировать. Один из таких статистиков, не выдержав обилия противоречащих друг другу цифр, внес в текст сугубо демографического исследования несколько слов от себя: «Таковые разности приводят статистка в отчаяние; по долговременном и разнопутательном сравнении таблиц (скучная работа) он должен наконец остаться при одних только догадках». Впрочем, имевшиеся данные все же были переработаны и предоставили информацию, на которую можно опереться. Согласно ей в 1807 г. во всех семи уездах края значилось купцов и мещан «мужеского пола» христианского вероисповедания — 3940, а магометанского и иудейского — 5532 чел. Итого 9472 чел., что составляло чуть более 6 % от всего мужского населения пространной Таврической губернии¹³.

Примечания

¹ *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков: (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003. С. 87.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 28.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 696. Л. 41 об.

⁴ Там же. Л. 231–232; Ф. 846. Оп. 16. Д. 19059. Л. 4.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19059. Л. 2 об.

⁶ Там же. Д. 19062. Л. 33 об.

⁷ *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма... С. 86–87.

⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19059. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ *Борщик Н. Д.* Местный учет населения Таврической губернии в документах Государственного архива Республики Крым // Научный вестник Крыма: [Электрон. журн.]. 2017. № 4 (9). С. 3. URL: [http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/145/pdf\(27.03.2018\)](http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/145/pdf(27.03.2018)).

¹² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 17 об.–18.

¹³ Там же. Д. 19065. Л. 2.

Н. Д. Борщик

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX в.

В 2014 г. Крымский полуостров, бывший до этого частью Украины, вошел в состав Российской Федерации. Сложные интеграционные процессы, проблемы адаптации к современным российским реалиям властных структур всех уровней и крымского социума в целом заставляют обращаться к историческому опыту государственного строительства, взаимодействию политических и социальных институтов общества, истории повседневности. В канун